Научная статья

УДК 316.4; 93
DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-5-22

Почему в Китае не произошел самостоятельный переход к индустриальному капитализму?

Олег Константинович Трубицын

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

trubitsyn77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4549-0405

Аннотация

Актуальный вопрос теоретической истории – это вопрос о том, почему Европе удалось самостоятельно преодолеть порог индустриализации и вырваться из мальтузианской ловушки, а Китаю пришлось долго перенимать западный опыт и догонять Европу. Объяснение отставания Китая в позднее Новое время, которое строится на указаниях на специфику азиатского способа производства, или ирригационного общества, является полезным, но не достаточным. Убедительным представляется объяснение, связывающее это с дефицитом определенных ресурсов и неразвитостью капитализма. Однако неразвитость капитализма сама нуждается в объяснении. В статье делается вывод, что превосходство Европы над Китаем в эпоху модерна – это результат преимущества отсталости в эпоху премодерна. Китаю, в отличие от Европы, удалось создать огромную империю, охватившую всю ойкумену, а также эффективную бюрократию для управления ею, и все это благодаря эффективной идеологии аграрного общества – неоконфуцианству. Однако именно этот успех в приспособлении к требованиям аграрной эпохи и не позволил ему самостоятельно выйти на индустриальный уровень развития.

Ключевые слова

история Китая, индустриализация, капитализм, этос, конфуцианство, империя, азиатский способ производства

Для цитирования

Трубицын О. К. Почему в Китае не произошел самостоятельный переход к индустриальному капитализму? // Сибирский философский журнал. 2025. Т. 23, № 2. С. 5–22. DOI DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-5-22

© Трубицын О. К., 2025

Why didn't China make an independent transition to industrial capitalism?

Oleg K. Trubitsyn

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

trubitsyn77@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4549-0405

Abstract

A pressing question of theoretical history is the question of why Europe managed to overcome the threshold of industrialization on its own and break out of the Malthusian trap, while China had to adopt Western experience for a long time and catch up with Europe? An explanation of China's lagging behind in the late Modern period pointing to the specifics of the Asian mode of production or irrigation society, is useful, but not sufficient. A convincing explanation is that this is due to the shortage of certain resources and the underdevelopment of capitalism. However, the underdevelopment of capitalism itself needs to be explained. The article concludes that Europe's superiority over China in the modern era is the result of the advantage of backwardness in the pre–modern era. China, unlike Europe, managed to create a huge empire that encompassed the entire ecumene, as well as an effective bureaucracy to manage it, and all this thanks to the effective ideology of an agrarian society – neo-Confucianism. However, it was precisely this success in adapting to the demands of the agrarian era that prevented it from reaching the industrial level of development on its own.

Keywords

Chinese history, industrialization, capitalism, ethos, Confucianism, empire, Asian mode of production

For citation

Trubitsyn O. K. Why didn't China make an independent transition to industrial capitalism? *Siberian Journal of Philosophy*, 2025, vol. 23, no. 2, p. 5–22. (in Russian) DOI DOI 10.25205/2541-7517-2025-23-2-5-22

Введение

Китай – одна из древнейших цивилизаций мира с очень длительной преемственной историей, очаг многих достижений и родина многих изобретений. Однако именно «Европа сумела решить одну из основных, поставленных перед ней историческим развитием задач: она осуществила индустриальную революцию, которая распространилась и продолжает распространяться на весь остальной мир» [Бродель, 2008, с. 362]. К XVI в. Европа и Китай были очень близки по уровню развития. Так, у Китая имелся опыт мануфактурной прединдустриализации. Тем не менее с начала Нового времени траектории развития этих цивилизаций разошлись, и в XIX в. разрыв стал принципиальным. Соответственно возникает вопрос, почему Европе удалось самостоятельно преодолеть порог индустриализации и вырваться из мальтузианской ловушки, а Китаю пришлось долго перенимать западный опыт и догонять Европу? В данной статье мы рассмотрим причины, по которым Китай впал в застой и не смог обеспечить качественного прогресса своих производительных сил в Новое время.

С точки зрения сторонников утверждения принципиальной тупиковости восточного пути развития все достаточно очевидно: существование феномена власти-собственности (Л. С. Васильев), порождаемого «восточным деспотиз-

мом» гидравлической цивилизации (К. Виттфогель) и системой «поголовного рабства» (Г. Гегель), привело к тому, что Китай был принципиально не способен к устойчивому экономическому и социальному развитию, навеки застряв на стадии «азиатского способа производства» (К. Маркс). Однако стоит скорее согласиться с И. М. Дьяконовым [1994], который утверждает, что Китай эволюционно развивался, не отставая или даже опережая Европу до определенного времени. К. Померанц [2017] вообще доказывает, что у Европы не было никаких значимых институциональных преимуществ перед Китаем, и если индустриализация впервые произошла в Англии, а не в Китае, то это в силу сочетания двух удачных обстоятельств – наличия доступных месторождений угля вблизи основных промышленных регионов и колонизации Америки. Объяснение К. Померанцем отставания Китая в индустриализации в XIX в. достаточно убедительно. Действительно, до этого Китай достаточно успешно вышел на стадию предкапиталистической прединдустриализации. Однако отстал он еще до начала полноценной индустриализации, не сумев сформировать системы производительного капитализма. В результате расхождение Европы (по крайней мере Англии) и Китая началось раньше индустриализации в Англии: в Новое время темпы роста производительности в Англии опережали темпы роста населения, так что производство на душу населения росло, как и уровень урбанизации; в Китае же при бурном росте населения производство в подушевом измерении стагнировало, а уровень урбанизации даже снизился.

Ф. Бродель указывает, что есть инновации, которые легко распространяются, и есть те, которые распространяются с трудом, как, например, «плавание в открытом море на дальние расстояния. Таков и капитализм, представляющий собой сумму привычек, способов, ухищрений, достижений» [Бродель, 1993, с. 12]. И тут же делает предположение: «Не дальнее ли плавание вкупе с капитализмом обеспечили превосходство Европы – просто в силу того, что эти новшества не получили массового распространения?» [Там же, с. 12]. Это весьма популярное объяснение, которое связывает превосходство Запада в позднее Новое время прежде всего с возникновением здесь капитализма, который, в свою очередь, спровоцировал индустриализацию. Соответственно, поставленную в статье задачу нужно конкретизировать: почему в Китае капитализм не смог сформироваться на собственной почве?

Ф. Бродель [1993] задается вопросом, существовал ли еще до промышленной революции разрыв в развитии Европы и других регионов, опережала ли Европа остальной мир до XIX в.? Его ответ: в плане развития производительных сил практически нет, а в плане развития рыночной инфраструктуры – да. Он утверждает, что Китай определенно опережал Запад по развитию производительных сил по крайней мере вплоть до XIII века [Бродель, 2008, с. 181]. Но с институциональной точки зрения «его экономика может характеризоваться как слаборазвитая, отстающая от экономики Запада. Конечно, роль идет не о глобальной отсталости Китая от Европы. Это отставание структур, торговых контактов, товарного капитализма – их черты более слабо очерчены, чем на Западе или в мусульманском мире. Прежде всего нет свободных городов, и это основная слабость. Отсутствует слой торговцев, которых безудержная погоня за наживой (осуждаем мы ее

или нет) превращает в “закваску” прогресса» [Там же, с. 206]. В Китае наблюдалось развитие рынка [1] в виде лавок и торговли вразнос, но ярмарок и бирж, представляющих высшие механизмы обмена, практически не было. Кредиты появились в Китае лишь в XVIII–XIX веках. Во многом это определяло отсутствие развития капитализма в Китае. «Если сравнивать европейскую экономику с экономикой остального мира, то, как представляется, она обязана своим более быстрым развитием превосходству своих экономических инструментов и институтов – биржам и различным формам кредита. Между тем все без какого-либо исключения механизмы и ухищрения обмена можно обнаружить и за пределами Европы» [Бродель, 1993, с. 39]. Таким образом, можно предположить, что количественное опережение Европы в развитии рыночных институтов по сравнению с Китаем и другими цивилизациями Востока в какой-то момент превратилось в качественное различие между капиталистическими и некапиталистическими обществами, что предопределило опережающее технологическое и промышленное развитие первых, вылившееся в промышленную революцию.

С точки зрения либеральных экономистов основная причина отставания Китая в развитии капиталистических институтов и последовавшей экономической стагнации заключается в чрезмерном усилении государственно-бюрократических структур, существовании феномена власти-собственности. Данное предположение, как и факторы, указанные Ф. Броделем, выглядят достаточно убедительно, но они определенно нуждаются в уточнении. Как мы увидим далее, стереотипное восприятие Китая как постоянно отстающего от Европы в развитии не вполне соответствует историческим фактам.

Итак, проблемой исследования является вопрос о том, почему Китай, длительное время опережавший Европу в развитии своих производительных сил, за многие века своего существования так и не совершил индустриальный прорыв, не смог самостоятельно вырваться из мальтузианской ловушки? Предположение состоит в том, что его проблема была не только в доступе к угольным месторождениям, но и в специфических чертах китайской цивилизации, ее культурных особенностях, препятствующих формированию капитализма.

* * *

Как уже было сказано, популярный в XIX в. ответ предполагает резкое противопоставление западного (прогрессивного, динамичного) и восточного (замедленного, тупикового) типов развития. В предисловии к «К критике политической экономии» (1859 г.) Маркс утверждает, что «азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [1986, с. 138]. Здесь он следует гегельянской традиции крайнего европоцентризма и оценивает азиатский способ производства как уступающий даже античному рабовладению. Позже он выделил его как альтернативную по отношению к европейской траекторию развития, основанную на государственно-общинной форме собственности в от-

[1] Причем в виде местных рынков, поскольку «единого национального рынка не было даже в XIX в.» [Меликсетов, 2002, с. 269].

личие от общинно-личной античной и личной германской форм собственности. И только западный путь ведет к прогрессивной смене формаций, ведущей к возникновению буржуазного общества, способного осуществить индустриализацию.

Современный историк И. М. Дьяконов [1994] соглашается, что ранняя древность в Греции сущностно отличалась от обществ Азии, где ведущее положение занимал государственный сектор. В Греции этот сектор подвергся максимальной деструкции, что ликвидировало экономический базис для царской власти, и на основе общинно-частного сектора развились республики.

Другие современные историки также соглашаются, что китайская цивилизация с самого своего зарождения значительно отличалась от европейской-античной. Так, при первых династиях в Китае социально-экономическая структура «еще почти не знала товарно-денежных отношений и рынка, хотя бы и контролируемого властями» [Меликсетов, 2002, с. 65]. Даже в периоды феодальной раздробленности вследствие ослабления центральной власти и децентрализации сохраняется «азиатская» форма власти-собственности (т. е. государственная), а частной собственности не существует.

Тем не менее, институциональное отставание Китая в развитии рыночной экономики не было столь уж фундаментальным на протяжении всей истории. Китайская экономика развивалась не только с точки зрения производительных сил, но и с точки зрения производственных отношений. Так, с VI в. до н. э. начинается процесс приватизации. Постепенно идет процесс появления и распространения денег, возникновение рынков в городах, развитие торговли, появляется наемный труд.

Более того, в отдельные периоды времени Китай даже опережал Европу не только по развитию производительных сил, но и рыночной инфраструктуры. У. Мак-Нил вообще выдвигает предположение, что «ускоренное продвижение Китая в сфере рыночных отношений в начале XI в. и явилось критической точкой в развитии всемирной истории. По моему убеждению, Китай направил человечество по пути непрекращающегося тысячелетнего процесса развития, в котором цены и индивидуальное (либо узко групповое) восприятие личной выгоды являются средствами управления поведением человеческих масс» [Мак-Нил, 2008, с. 47]. Командное управление при этом не исчезло, но правители осознали, что деньги – более эффективное средство мобилизации материальных и человеческих ресурсов, а поэтому нельзя обходиться без потока товаров и не управляемых правителями рынков.

Морская торговля на дальние расстояния, которой Ф. Бродель, наряду с рынком, приписывает впечатляющий успех Европы, началась в Китае еще в VIII веке, а после 1050 г., когда китайские корабли стали ходить в Индийский океан, резко активизировалась. Также в период, предшествующий монгольскому нашествию, в Китае активно развиваются выплавка железа с помощью кокса, развиваются мануфактуры и рыночный обмен, что ведет к росту специализации, способствующей росту эффективности производства. «Хотя дух предпринимательства и находился под неусыпным контролем, подъем массовой рыночной экономики Китая в XI в. мог стать решающим доводом в изменении баланса между командной и рыночной моделями» [Мак-Нил, 2008, с. 72]. Так что у китайской экономики

XI века имелись мощный фундамент в виде крестьянского сельского хозяйства и развитого городского ремесла, обширный и относительно эффективный государственный сектор, способный осуществлять масштабные строительные проекты, а также динамичная рыночная экономика.

Итак, до XII–XIII вв. Китай уверенно опережал в своем экономическом развитии Европу. По расчетам В. А. Мельянцева, в танско-сунское время (VII–XIII вв.) наблюдался значительный экономический рост, объясняющийся сочетанием экстенсивных и интенсивных факторов (см.: [Меликсетов, 2002, с. 216])

В результате в сунское время ВВП в расчете на душу населения в Китае вдвое превышал европейский. Ч. Тилли (ссылаясь на книгу Ф. Уэйкмана «Великое предприятие: маньчжурская реконструкция императорского порядка в XVII веке») утверждает, что «в XVII в. до половины добываемого в Америке серебра оседало в Китае в уплату за продаваемый им шелк, фарфор и другие предметы роскоши. В то время доход на душу населения в Европе, очевидно, не превышал дохода на душу населения в Китае. Иными словами, до конца XVIII в. вовсе не было очевидным, что европейские державы были ведущими в экономическом отношении державами мира» [Тилли, 2009, с. 249]. И. М. Дьяконов [1994] в своей линейно-эволюционистской модели истории делает сходные выводы относительно общей эволюционной развитости Китая по сравнению с Европой. Фазовый переход к шестой фазе истории – стабильно-абсолютистскому постсредневековью, или абсолютистскому предкапитализму, впервые начался в североитальянских городах-государствах – Венеции, Генуе и Флоренции. К XVII–XVIII вв. полноценная постсредневековая фаза была у стран Западной Европы – Франции, Германии и Великобритании. Но Китай достиг этой фазы даже раньше Европы, и лишь стечение обстоятельств помешало ему войти в следующую, капиталистическую фазу.

* * *

Какие же это были обстоятельства?

Основное предположение, как уже было отмечено, связывает это с особенностями азиатского способа производства и восточного пути развития цивилизации в целом. Так, У. Скиннер описывает специфическую социальную географию позднеимператорского Китая как взаимоналожение двух иерархий: одна из них, менее сильная, строится снизу вверх на основе расширяющихся рынков, другая, доминирующая, представляет собой пирамиду государственного принуждения и контроля, растущую сверху вниз (см.: [Тилли, 2009, с. 189]). В Европе можно обнаружить аналогичные иерархии. «Так, европейские сети городов представляют собой иерархию капитала. Причем построенные снизу-вверх европейские иерархии долгое время оставались и более завершенными, и крепче связанными и широкими, чем построенные сверху вниз структуры политического контроля. В этом состояла главная причина, почему проваливались многочисленные попытки построения империи, охватывающей весь континент, после распада Римской империи» [Тилли, 2009, с. 191]. Как представляется, с большим основанием можно предположить, что это сила имперской структуры аграрного общества обычно негативно влияет на силу структуры рыночной. Что же вызвало опережающее

усиление рыночной «снизу вверх» иерархии в Европе и, напротив, превосходство административной «сверху вниз» иерархии в Китае?

Первое предположение здесь связано с особенностью роли городов в европейской и китайской цивилизациях, сложившейся с древних времен, а именно силой полисных структур в Европе и их слабостью в Китае [2]. Как справедливо указывает Ф. Бродель [1993, с. 21], особое место в структурах повседневности занимают деньги и города; города – это мощные ускорители, порождающие современность, одновременно и двигатели, и показатели развития, и причины и следствия развития. Древнейшая (античная) история Европы связана с расцветом полисной системы. С возникновением Римской империи самостоятельность городов постепенно ослабевала, но никогда не исчезла полностью. Как полагает И. М. Дьяконов, использование полисной системы придало стабильность Римской империи, которой были лишены индийская и китайская империи поздней древности. Европейское средневековье, по его мнению, было совершенно нетипичным из-за сочетания нескольких уникальных обстоятельств, в частности сохранения полисных структур и пережитков полисной экономики и идеологии. Китайская ситуация была более типичной для мира в целом. Отношение китайской власти к городу коррелировало с ее отношением к буржуазии: «Процветающий предприниматель и купец рассматривались властью не как опора трона, а, скорее, как нежелательные и даже потенциально опасные для устоев государства социальные фигуры. Поэтому китайские города не обладали особым правовым статусом, способным обратить их не только в центр экономической жизни, но и в автономный от властей центр политической активности» [Меликсетов, 2002, с. 289].

Далее нужно еще раз вспомнить гипотезу Ф. Броделя о роли плавания в открытом море на дальние расстояния как фактора ускоренного роста рыночных структур. Да, в Новое время Европа резко вырвалась вперед в развитии мореплавания и морской торговли, но и в истории Китая был эпизод, когда он опережал Европу в данном отношении. В XV в. китайская торговля шла до Африки, а гигантский флот адмирала Чжан Хэ [3] контролировал побережье Индийского океана. Однако затем экспедиции были прекращены, а строительство новых океанских судов запрещено минским правительством. Дж. Абу-Луход считает удивительным то, что Мин отказалась от флота, вместо того чтобы последовательно устанавливать свою гегемонию в Южной Евразии. Многие современные китайские исследователи полагают, что это было роковым решением, обрекшим Китай на утрату мирового лидерства, к которому он был так близок, и последующее отставание от Запада. У. Мак-Нил полагает, что основной причиной этого была необходимость сосредоточения ресурсов на обороне от угроз с севера. Дж. Арриги дает другой ответ на эту историческую загадку: Китай был поставщиком товаров в обмен на европейские драгоценные металлы, из-за чего ожидаемая выгода

[2] «Невычлененность многолюдного средневекового города из общества, его органическая вписанность в общую систему общественных связей обусловили тот факт, что юридическая мысль и практика Китая не различали по статусу горожан и сельских жителей… Не было у китайского города, как в Европе, ни вольностей, ни самоуправления, ни коммунальных свобод. Даже верхи городского общества – аристократия и служилая знать – горожанами себя не осознавали» [Меликсетов, 2002, с. 182].

[3] В другой транскрипции Чжэн Хэ и даже Чен Хо.

от установления контроля над прямым путем торговли для европейских стран была куда выше китайской. Колумб отправился в путь, чтобы вернуть сокровища с Востока, а для Чжан Хэ такого стимула не было [4]. Кроме того, империя стремилась не попасть в ловушку перенапряжения сил из-за чрезмерного расширения.

По всей видимости правы и Мак-Нил, и Арриги. Решение китайских властей, выглядящее для многих ошибочным с высоты наших дней, было вполне рациональным и строилось на оценке баланса издержек и выгод. Китай мог потратить огромные средства на строительство океанского флота без определенных надежд на окупаемость этого предприятия, но остаться при этом беззащитным от северных кочевников, что обесценило бы любые успехи.

Ирония истории заключается в том, что Мин в конце концов все равно пала в результате крестьянского восстания и под ударами кочевников-маньчжуров. Маньчжурское завоевание стало другим фактором задержки развития Китая, поскольку маньчжуры обрубили внешнеторговые связи. Если Мин отказалась от морской экспансии, столь много давшей делу развития европейского капитализма, то династия Цин нанесла удар по торговле на дальние расстояния в целом, что сильно ограничивало накопление капитала торговцами.

* * *

Итак, проблемами Китая были трудности в обеспечении внешней торговли, постоянные угрозы кочевников с севера, но помимо того еще и перенаселенность. «По всей вероятности, демографический рост помешал технологическому прогрессу. Изобилие рабочих рук делает бесполезным использование машин, как это было в Древней Греции и Древнем Риме, где использовался труд рабов» [Бродель, 2008, с. 208]. Наука в Китае развивалась, но за ней не следовало развития техники. «У Китая не было необходимости изобретать машины, чтобы облегчить человеческий труд. Техника стала жертвой нищеты, вызванной постоянным переизбытком населения» [Там же, с. 209]. «Прединдустрия могла существовать только за счет низкой заработной платы работников» [Там же, с. 366], что создавало замкнутый круг бедности и технологической отсталости.

Это утверждение о роковой роли чрезмерного населения Китая выглядит само по себе достаточно убедительно. Действительно, избыток населения, вызывающий дешевизну рабочей силы, как кажется, убирает стимулы у предпринимателей внедрять трудосберегающие технологии, предотвращая таким образом индустриализацию. Но, с другой стороны, как утверждает У. Мак-Нил, «все историки, которые пытаются объяснить причину становления Великобритании центром промышленной революции, находят рост численности населения важным и, возможно, даже основным фактором изменения экономического равновесия в стране» [2008, с. 236]. Избыток рабочей силы вкупе с расширяющимся внутренним рынком создали возможность экономики, основанной на механическом про-

[4] Важно здесь даже не то, насколько китайское превосходство существовало объективно, сколько то, что таковы были убеждения самих китайцев. После визита британского посла в Пекин в 1793 г. китайский император написал Георгу III: «Как ваш посол мог сам видеть, у нас есть все. Я не ценю странные и диковинные вещи и не нуждаюсь в изделиях вашей страны» [Andrew, 2018, p. 67].

изводстве. Получается, дело не столько в переизбытке или дефиците населения самих по себе, сколько в том, как реагирует на эти вызовы общество и экономика. Быстрый рост населения действительно может быть взрывоопасен. По утверждениям сторонников структурной демографической теории, периодические кризисы аграрных обществ связаны прежде всего с чрезмерным ростом численности населения в благополучные эпохи, приводящие к срабатыванию мальтузианской ловушки (см.: [Турчин, 2007]). Но власти Англии нашли эффективные способы решения этой проблемы, где главным решением стало трудоустройство в растущей промышленности. Поэтому остается вопрос, почему китайские власти, имея перед глазами богатый исторический опыт периодических кризисов и падения предшествующих династий, так и не смогли самостоятельно решить данную проблему.

* * *

Однако все отмеченное выше лишь тормозило развитие капиталистических элементов в китайской экономике, но не уничтожало ростки капитализма на корню. Значит, нужно найти более фундаментальную причину последовавшей в последние век-полтора истории династии Цин стагнации. Как уже было отмечено, с точки зрения либеральных экономистов, основная причина отставания Китая в развитии капиталистических институтов и, в конечном счете, причина технологической и экономической отсталости в период нового и новейшего времени (вплоть до конца XX в.) заключается в чрезмерном усилении государственно-бюрократических структур. Так, Дэвид Ландес [5] заявляет о том, что государство по природе своей убивает технологический прогресс. Яшэн Хуан [6], сам будучи либералом-западником, справедливости ради вынужден опровергнуть столь радикальный тезис о том, что сильное государство несовместимо с технологическим прогрессом, указывая, что раннее лидерство Китая в области технологий объясняется именно ролью государства (см.: [Yasheng Huang, 2023]). Сам он относит проблемы Китая на счет не государства как такового, а бюрократического государства, управляемого конфуцианской элитой и идеологией. Он соглашается с другими китайскими учеными, которые возлагают вину за ухудшение состояния Китая в XIX–XX вв. на консервативную конфуцианскую идеологию, в которой отсутствовал дух инновационности. Яшэн Хуан полагает, что во времена, когда даосы и буддисты составляли большую долю исторических личностей, новые идеи с большей вероятностью процветали. Также благоприятным фактором развития Китая была некоторая его фрагментация, ослабляющая бюрократическое давление и провоцирующая геополитическую конкуренцию. Поэтому-то пик креативности, по его мнению, пришелся на междуцарствие Хань-Суй с 220 по 581 гг. н. э., а последовавший технологический застой совпадает с окончанием политической

[5] См.: Zhang Jun, Casas-Klett T. How China's unique value system unpins its prosperity and innovation (12 марта 2024) // South China Morning Post. URL: https://www. scmp. com/comment/opinion/asia/article/3255060/how- chinas-unique-value-system-unpins-its- prosperity -and-innovation (дата обращения 17.02.2025)

[6] По-китайски его было бы правильнее называть Хуан Яшэном, но он сознательно европеизировал свое имя.

фрагментации. Но основные семена упадка Китая были посеяны с внедрением удушающей системы экзаменов на государственную службу.

Критикующие Яшэн Хуана Жэн Джун и Т. Касас-Клетт [7] замечают в связи с его утверждением о позитивной роли фрагментации, что в период стабильного господства династии Цин в Китае активно шла прединдустриализация, так что его доля в мировом ВВП достигла одной трети, а население существенно выросло [8]. Так что, по их мнению, важна не столько сила государства или роль бюрократии, сколько моральное состояние элиты – соотношение между поиском ренты и созданием ценности.

К вопросу о роли фрагментации и имперского единства мы еще вернемся позже, но пока стоит отметить, что в интерпретации китайской истории скорее правы Жэн Джун и Касас-Клетт, чем Яшэн Хуан. Максимального расцвета китайская экономика обычно достигала к середине срока каждой из основных династий. А междуцарствие Хань-Суй, которое так прославляет Яшэн Хуан, характеризовалось тем, что «мелкие и слабые царства не могли защитить огромную сухопутную границу земледельческих районов Китая от набегов кочевников-соседей. Затянувшиеся изнурительные междоусобицы подрывали сельское хозяйство, ремесло, торговлю, затрудняли использование огромной ирригационной системы» [Меликсетов, 2002, с. 165].

* * *

В. В. Попов дает самое, пожалуй, убедительное объяснение, почему Англия, а не Китай стала в XIX в. лидирующей страной и «мастерской мира» (см.: [Popov, 2009]).

В большинстве цивилизаций до последнего времени господствовали коллективистские институты, прежде всего община, которые обеспечивали относительно комфортное выживание населения при условиях низкого уровня производства за счет искусственного поддержания относительно низкого уровня неравенства. Это имело как позитивные социальные (в краткосрочной перспективе), так и негативные экономические (в долгосрочной перспективе) последствия, а именно – низкую норму сбережений и инвестиций, что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции вели к низкой капиталовооруженности, что означало низкую и не растущую производительность труда, а это в свою очередь означало низкую норму накопления. Общество застревало в мальтузианской ловушке, когда любой рост производительности тут же «съедается» ростом населения. Согласно модели Солоу, чтобы выйти из плохого равновесия мальтузианской ловушки и попасть в хорошее равновесие богатой жизни, необходимо скачкообразное уве-

[7] Zhang Jun, Casas-Klett T. How China's unique value system unpins its prosperity and innovation (12 марта 2024) // South China Morning Post. URL: https://www.scmp. com/comment/opinion/asia/article/3255060/how-chinas-unique-value-system-unpins-its-prosperity-and- innovation (дата обращения 17.02.2025)

[8] Результатом политики Цин стал «демографический взрыв, пожалуй, не имеющий аналогов в истории традиционных обществ. Если в конце XVII в. численность населения Китая вряд ли превосходила 100 млн человек, то к концу XVIII в. оно достигло цифры 300 млн, а в середине XIX в. составило более 400 млн человек» [Меликсетов, 2002, с. 268].

личение нормы сбережений, достаточное для увеличения капитала на каждого занятого до должного уровня.

По мнению В. В. Попова, в XVI–XVIII вв. Европа и Китай разошлись не столько в динамике потребления, сколько в динамике неравенства [9], сбережений и инвестиций. В Англии к 1800 г. две трети работников были пролетариями, а в Китае – только 10 %. В докапиталистических обществах доля сбережений была примерно равна 5 %, чего едва хватало для возмещения изношенного основного капитала и обеспечения минимального экстенсивного роста, а в Великобритании XIX в. норма сбережений превысила 10 %, что обеспечило высокие темпы роста производительности, позволяющие преодолеть мальтузианскую ловушку. «Иными словами, выход из мальтузианской ловушки и переход к современному режиму экономического роста в Великобритании, а затем и в других западных странах стали возможны не столько благодаря ускорению технического прогресса или увеличению темпов роста производительности труда. Необходимым компонентом переходного периода была ликвидация коллективистских институтов и, как следствие, рост неравенства, что позволило увеличить сбережения и инвестиции до такой степени, что накопление физического капитала начало превышать рост населения, так что соотношение капитала и рабочей силы начало расти. Издержки этого перехода были чрезвычайно высоки» [Popov, 2009, p. 14]. Главная проблема такой стратегии в том, что попытка ее реализации увеличивает нестабильность общества и его уязвимость перед внешними угрозами. Так что переходное раннекапиталистическое общество должно продержаться примерно три века, пока эти инвестиции не приведут к качественному росту производительности и не позволят стране превратиться в сильную индустриальную державу.

Объяснение В. В. Попова выглядит более убедительным, чем простая ссылка на заведомую эффективность капиталистических институтов, поскольку подходит и для случая индустриализации в СССР. Тем не менее, для Англии и других примеров ранней индустриализации ее связь с капитализмом очевидна. Поэтому модель Попова оставляет нерешенными следующие вопросы: 1) Почему Китай в XIX в. или ранее не предпринял решительных попыток вырваться из мальтузианской ловушки путем детрадиционализации и развития капитализма? 2) Почему китайская буржуазия не стала свергать устаревшие производственные отношения и политическую надстройку ради свободного развития производительных сил? 3) Почему Англия и другие европейские раннекапиталистические страны оказались способны успешно пережить период трансформации, и более того, еще и проводить в это время внешнюю экспансию?

* * *

У. Мак-Нил также замечает, что рост производства в Китае в предмонгольский период по большей части съедался ростом численности населения, не при-

[9] В Китае социальное расслоение тормозили традиционные общинные отношения: «Наличие коллективной земельной собственности, совместная работа – все это было истинным фундаментом деревенской жизни, сплачивало членов общины, препятствовало росту социальной дифференциации» [Меликсетов, 2002, с. 284].

водя к повышению благосостояния основной части населения. Обогащались в основном торговцы, что вызывало недовольство конфуцианских чиновников. Главной причиной последовавшего экономического упадка Мак-Нил полагает государственную политику, когда чиновники облагали бизнес непомерными налогами или монополизировали его. «Итак, и металлургия, и мореходство Китая, предвосхитившие более позднее (и победное) шествие европейских технологий, не возымели качественного и долгосрочного воздействия. Причину следует искать в доминирующем традиционалистском укладе» [Мак-Нил, 2008, с. 70]. Гражданская бюрократия стремилась ослабить и предпринимателей, и армию. «И организация военных действий, и торговля в целях частного обогащения равно претили традиционной конфуцианской этике. Да, в случае если война или рынок служили интересам государства, их следовало терпеть и, возможно, даже поощрять. Однако позволить торговцам накопить слишком много средств было столь же неразумно, как позволить своему генералу или варварскому вождю держать слишком большое войско» [Там же, с. 58].

При этом предприниматели «сами поддержали систему, сводившую их роль в обществе к малозначительной. Они вкладывали прибыль в приобретение земельных владений и в образование для своих сыновей, дабы открыть чадам доступ к освященной веками официальной карьерной лестнице» [Там же, с. 71]. Китайские торговцы стремились, чтобы их дети стали мандаринами. «Можно сказать, что они лишь наполовину обладали западным капиталистическим мышлением» [Бродель, 2008, с. 206]. Также у поддержки китайскими капиталистами сильного государства были и вполне прагматические соображения. Дело в том, что они нуждались в государственной защите, поскольку «в истории Китая в нередкие для нее моменты децентрализации и деструкции частные собственники первыми гибли под ударами разъяренной толпы восставших обездоленных крестьян, которые видели своих врагов прежде всего в нерадивых чиновниках и богачах, виновных в кризисе» [Меликсетов, 2002, с. 108].

По мнению И. М. Дьяконова, это связано с тем, что в Китае не сложились условия для создания идеологии, альтернативной этике неоконфуцианства. «Это содействовало подавляющему господству неоконфуцианской государственно-бюрократической системы, которая давала Китаю значительное число людей грамотных, но не самостоятельно мыслящих» [Дьяконов, 1994, с. 201]. Но основные причины коренились в особенностях Китая, – общества бюрократического. Если в Европе интеллигенция смыкалась с буржуазией и работала на развитие капитализма, то китайская интеллигенция либо шла в бюрократию, либо в монастыри. «Предпринимательство в Китае было лишено всякой идеологической или социально-психологической основы» [Там же, с. 202].

М. Вебер [2017] исходит из многофакторности объяснения того, почему в Китае не произошло развития капитализма и современной бюрократии, указывая, что для этого имеются экономические, политические и духовные причины. Но важнейшая из них связана с характером конфуцианской религиозности. Действительно, роль конфуцианства в жизни китайского общества была велика, поскольку конфуцианская традиция «определяла менталитет, образ жизни и систему ценностей в Китае» [Меликсетов, 2002, с. 83]. По мнению Вебера, эта роль

состоит прежде всего в поддержании традиционалистского порядка, препятствующего модернизации. Он замечает, что в Китае имелись и альтернативные идеологии, в частности даосизм. Однако и они не могли стать идеологической основой модернизации, поскольку «влияние даосизма было еще более традиционалистским, чем ортодоксального конфуцианства» [Вебер, 2017, с. 340]. «Таким образом, достаточных мотивов для возникновения религиозно ориентированной методики жизни индивида пуританского типа [10] китайская религиозность не давала ни в официальном варианте государственного культа, ни в даосском» [Там же, с. 341].

Еще на один механизм торможения модернизации конфуцианством указывает П. Друкер. По его мнению, «Запад пришел к лидерству в мире между 1500 и 1650 в значительной мере потому, что реорганизовал школы через новые технологии книгопечатания. Напротив, отказ от перестройки их школ с помощью печатных книг был главным фактором упадка Китая и ислама и их подчинения Западу» [Drucker, 1993, p. 178]. Конфуцианцы, контролировавшие китайскую систему образования, полагали, что важнейшей способностью образованного человека является каллиграфия – умение красиво вырисовывать иероглифы. Также они пренебрегали любым образованием, кроме гуманитарного, предполагающего усвоение конфуцианского канона.

* * *

Многочисленные примеры наглядно демонстрируют преимущества экономики, основанной на сложных рыночных операциях и в то же время управляемой в соответствии с политической волей государства. Ресурсы могли быть направлены на общенациональные нужды – с подлинно имперским размахом» [Мак-Нил, 2008, с. 71]. Но это вело к упрочению власти чиновничьего аппарата, способного в любой момент времени подавить инновации и угробить какой-либо сектор экономики. Поэтому в Китае, в отличие от Европы, рынок так и не стал самостоятельным стимулирующим фактором. «Превосходство чиновников объяснялось тем, что китайцы традиционно считали крупное накопление капитала аморальным. Таким образом, официальная идеология и общественное мнение были едины в стремлении обеспечить представителю государства постоянное преимущество при контакте с единоличным владельцем капитала» [Там же, с. 72]. В Китае «государственные служащие эффективно сдерживали развитие крупномасштабной финансово-торговой деятельности» [Там же, с. 135], в том числе устанавливая так называемую «справедливую цену», которая «эффективным образом лишала бессовестных купцов и предпринимателей “нечестных” барышей» [Там же]. Это ограничивало развитие частного предпринимательства, склонного к инновациям, в то время как государственное предпринимательство к инновациям было не склонно из-за консервативных особенностей чиновничьего менталитета.

[10] Речь идет об этосе мирского рационального аскетизма, поощряющего в людях трудолюбие, законопослушание, бережливость и накопительство – качества экономических агентов, необходимые для запуска процесса индустриализации.

В Европе подобная командная мобилизация не победила, поскольку острая геополитическая конкуренция вынуждала правителей идти навстречу предпринимателям ради усиления собственной экономической базы. М. Вебер в «Хозяйстве и обществе» заявил, что главным фактором в создании современного капитализма стал союз между государствами и капиталистическими силами, вызванный конкуренцией за мобильный капитал между крупными и примерно равными политическими структурами. У. Мак-Нил нашел этому тезису много подтверждений. «Регион Латинского христианства не имел единой управленческой структуры, чьи решения были бы обязывающими на всем западноевропейском пространстве и могли бы удержать накопление частного капитала на уровне зародышевого минимума. Власть рынка даже над могущественнейшим из властителей стала реальностью» [Там же]. Различие между Европой и остальным миром в этом отношении стало очевидным, по мнению Мак-Нила, начиная с XIV века.

По всей видимости, это вполне справедливое предположение: оптимальной геополитической средой для возникновения капитализма является ситуация конкуренции крупных национальных государств, в то время как ситуации крайней феодальной раздробленности и имперского единства ему не способствуют. В этом отношении «между Китаем и Европой была громадная разница: хотя Китай некогда пережил эпоху Воюющих государств, весьма похожую на международную анархию в Европе, и если восстания и вторжения иноземцев периодически угрожали власти императора, все-таки большую часть времени на территории Китая доминировал один центр, причем на территории невероятно громадной (по европейским представлениям). Империя долго была нормальным состоянием Китая; когда разрушалась одна империя, ее место занимала другая» [Тилли, 2009, с. 190].

Важной предпосылкой успешного развития капитализма в Европе и его выхода за пределы простой модели «купи-продай» стало накопление капитала за счет колониальной экспансии и сочетания экономического и внеэкономического грабежа колоний. Это было невозможно без сильной армии и флота. В Европе их развитие стимулировалось постоянными войнами, а также тем, что элита старого общества – воинская аристократия – во многом сохранила свои позиции и престиж и в новую эпоху.

Конфуцианская же элита с недоверием относилась к военным, что прямо проистекало из конфуцианской философии, в соответствии с требованиями которой «военные чиновники по статусу считались ниже гражданских» [Меликсетов, 2002, с. 177]. Отчасти еще это было связано с тем, что в Китае не было системы майората, которая вынуждала младших сыновей аристократических семейств Европы идти на военную службу, повышая ее престиж. В Китае, в отличие от милитаристской Европы, «снижению боеспособности армии способствовали и ущемление прав командной прослойки, и презрительное отношение гражданских лиц к военным» [Там же, с. 201].

Однако были и вполне рациональные соображения ограничить развитие вооруженных сил и флота. Гражданская бюрократия стремилась не допустить концентрации в руках генералов чрезмерной военной силы, опасаясь военного

переворота и сепаратистских мятежей. Также, как уже говорилось о причинах отказа от развития морского флота, империя стремилась не попасть в ловушку перенапряжения сил из-за чрезмерного расширения. Для империи это была вполне реальная опасность. «Китайские династии пали тогда, когда границы империи стали шире, чем мог охватить ее административный аппарат, когда там, где власть империи ослабела, появились местные военные диктаторы и когда воинственные кочевники (в особенности маньчжуры) пронеслись по всей империи и захватили рычаги власти» [Тилли, 2009, с. 116].

Обратной стороной китайского пренебрежения развитием вооруженных сил стала относительная военная слабость Китая, который подвергался завоеваниям кочевников тогда, когда Россия успешно устанавливала свой контроль над большей частью евразийской Великой степи, а европейцы приступили к колонизации заморских территорий. Китайские же «войска отличались низкой дисциплиной и слабой подготовкой, вооружения нередко не хватало» [Меликсетов, 2002, с. 200]. Это закрывало Китаю путь накопления капитала за счет грабежа других стран. Напротив, на большей части истории это Китай платил дань кочевникам.

Заключение

Итак, объяснение отставания Китая в позднее Новое время, которое строится на указаниях на специфику азиатского способа производства или ирригационного общества (К. Виттфогель), выглядит на первый взгляд вполне убедительным. Предполагается, что бюрократическое государство не способно самостоятельно перейти к капитализму и выйти на индустриальный уровень развития производительных сил. Но такой подход, резко разводящий Европу и Китай, игнорирует многие сходства в их развитии, а также свидетельства достаточно успешного хозяйственного развития Китая на протяжении веков, в том числе и определенные успехи в развитии рыночной инфраструктуры. В отдельные периоды рынок был даже сильнее развит в Китае, чем где-либо еще, так что в Средние века он был ближе к формированию капитализма, а с учетом технологических достижений – к полноценной капиталистической индустриализации.

Чего в Китае не было – так это политической воли, направленной на систематическую поддержку ростков капитализма. «Будучи привилегией немногих, капитализм немыслим без активного пособничества общества. Он необходимо является реальностью социального и политического порядка и даже элементом цивилизации. Ибо необходимо, чтобы в известном роде все общество более или менее сознательно приняло его ценности» [Бродель, 1993, с. 68]. В Китае же такого всеобщего принятия не было, а ростки капитализма регулярно подавлялись государством, которое препятствовало формированию буржуазных династий. Еще важнее было неприятие капитализма обществом. Так, «Китай в XVIII–XIX вв. пережил ослабление императорской власти, в то время как рынки свой контроль сохраняли и даже расширяли» [Тилли, 2009, с. 112], что вызвало недовольство народа, вылившееся в воспрепятствование торговле и терроризирование купцов.

Получается, что условия существенного ослабления государства и его фрагментации столь же неблагоприятны для развития капитализма, как и условия централизованной бюрократической империи. Наиболее благоприятны условия конкуренции крупных национальных государств в рамках мира-экономики, когда власти начинают проводить сознательную модернизационную политику, идя навстречу классу капиталистов.

Китайское общество могло успешно подавлять развитие капитализма именно в силу успешности своего функционирования в рамках аграрной стадии развития производительных сил. Превосходство Европы над Китаем в Новое время – это результат предыдущего преимущества отсталости. Китаю, в отличие от Европы, удалось создать огромную империю, охватившую всю ойкумену, а также эффективную бюрократию для управления ею, и все это благодаря самой, пожалуй, эффективной идеологии аграрного общества – неоконфуцианству. Однако именно этот успех в приспособлении к требованиям аграрной эпохи и не позволил ему самостоятельно выйти на индустриальный уровень развития.

Впрочем, говоря об успешности Европы и неуспешности Китая уже в Новое время стоит учитывать и сопутствующие обстоятельства. С. Кулкарни указывает, что при оценке успешности или неуспешности того или иного пути развития нужно учитывать их социальную цену и побочные последствия. «Во всех древних цивилизациях, особенно в Азии, материальное и социокультурно-духовное развитие шло более или менее рука об руку. Следовательно, прогресс человечества в целом был сбалансированным» [11]. Капиталистическая индустриализация в Европе привела к ее аномальному усилению и обогащению. Европейские страны злоупотребили своей силой для колонизации мира, грабя и уничтожая местные культуры. Современный же Китай, по мнению Кулкарни, стал экономически развитым без колонизации и эксплуатации чужих ресурсов, не ведя смертоносные войны, показывая пример сбалансированного развития. Пожалуй, эти оценки несколько излишне оптимистичны в отношении китайского пути развития. Например, широко известны экологические проблемы, вызванные быстрой индустриализацией Китая, или начинающиеся у него демографические проблемы. Однако с ним можно согласиться, что в отличие от Англии, недавний промышленный рывок Китая не был куплен ценой ограбления колоний. С другой стороны, он, по всей видимости, не был бы возможен без помощи стран Запада в конце XX в., которые, не из альтруизма, конечно, предоставили Китаю капитал, технологии и рынки сбыта.

Список литературы

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006.

Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008.

Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.

[11] Kulkarni S. Why West misreads new development paradigm (11.03.2024) // China Daily. URL: https://global.chinadaily.com.cn (дата обращения 17.03.2024).

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994.

Мак-Нил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2008.

Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч.: В 9 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 4. С. 136–140.

Меликсетов А. В. История Китая. М.: Высш. шк., 2002.

Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики. М.: Изд. дом «Дело», 2017.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009.

Турчин П. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Andrew C. The Secret World. A History of Intelligence. New Haven and London: Yale University Press, 2018.

Drucker P. Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth Heinemann, 1993.

Popov V. Why the West Became Rich before China and Why China Has Been Catching Up with the West since 1949: Another Explanation of the "Great Divergence" and "Great Convergence" Stories // CEFIR / NES Working paper. No 132, October 2009.

Yasheng Huang. The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline. New Haven and London: Yale University Press, 2023.

References

Andrew C. The Secret World. A History of Intelligence. New Haven and London. Yale University Press, 2018.

Arrigi J. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time. Moscow: Territorija budushhego, 2006. (in Russian)

Braudel F. Grammar of civilizations. Moscow: Ves' mir, 2008. (in Russian)

Braudel F. The dynamics of capitalism. Smolensk: Polygram, 1993. (in Russian)

Drucker P. Post-capitalist Society. Oxford: Butterworth Heinemann, 1993.

Dyakonov I. M. The Ways of History. From the most ancient man to the present day. Moscow: Nauka. Vostochnaja literatura, 1994. (in Russian)

Marx K. Towards a critique of political economy. Preface // K. Marx, F. Engels. Selected essays. In 9 volumes, vol. 4. Moscow: Politizdat, 1986. pp. 136-140. (in Russian)

McNeil W. In pursuit of power. Technology, armed force and society in the XI–XX centuries. Moscow: Territorija budushhego, 2008. (in Russian)

Meliksetov A. V. The History of China. Moscow: Vysshaja shkola, 2002. (in Russian)

Pomerants K. The Great Divergence: China, Europe and the Creation of a Modern World Economy. Moscow: Delo, 2017. (in Russian)

Popov V. Why the West Became Rich before China and Why China Has Been Catching Up with the West since 1949: Another Explanation of the "Great Divergence" and "Great Convergence" Stories // CEFIR / NES Working paper. No 132, October 2009.

Tilly Ch. Coercion, capital, and European states. 990-1992. Moscow: Territorija budushhego, 2009. (in Russian)

Turchin P. Historical dynamics. On the way to theoretical history. Moscow: LKI Publishing House, 2007. (in Russian)

Weber M. Economic ethics of World religions: Experiments of comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2017. (in Russian)

Yasheng Huang. The Rise and Fall of the EAST: How Exams, Autocracy, Stability, and Technology Brought China Success, and Why They Might Lead to Its Decline. New Haven and London: Yale University Press, 2023.

Информация об авторе

Олег Константинович Трубицын, кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры философии, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy), Docent
docent, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University

Статья поступила в редколлегию 13.01.2025;
одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 31.01.2025

The article was submitted 13.01.2025;
approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 31.01.2025